В. А. Александров

ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ ИРБИТСКОЙ ЯРМАРКИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (КОНЕЦ XVII — НАЧАЛО XVIII В.)

Среди письменных памятников позднефеодальной России таможенные книги как тип источника занимают специфическое место. В силу того, что до середины XVIII в. в России сохранялись внутренние таможни, которые, собирая с торговцев пошлины, фиксировали все поступавшие на тот или иной рынок товары, таможенные книги содержат первостепенные данные о товаропотоках и товарообращении внутри страны, о межобластных рыночных связях, их состоянии и специфике, и наконец, об уровне развития всероссийского рынка. Значение этого типа источников в изучении истории торговли хорошо известно, и таможенные книги неоднократно привлекались исследователями для этой цели. Этим, однако, не исчерпываются познавательные возможности таможенных книг. Они содержат богатейшие сведения собственно о товарах — о их происхождении, сортности, цене и т. п., а потому имеют не меньшее значение для изучения истории ремесленного производства и быта, что уже непосредственно связано с тематикой историко-этнографических исследований.

В настоящее время выявленные при полевых сборах различные предметы, характеризующие материальную хозяйственно-бытовую культуру народа, хронологически в лучшем случае могут относиться ко второй половине XIX в. Такие предметы более раннего времени единичны, а потому исследователь, встречая их в музейных коллекциях или находя в процессе экспедиционных работ, не может быть уверен в том, насколько широко бытовал тот или иной элемент культуры. В этом отношении значительно более определенные выводы можно сделать на материалах таможенных книг, ибо они содержат данные, имеющие массовый характер.

Такие компактные данные возможно выявить по сохранившимся в Центральном государственном архиве древних актов таможенным книгам 1699, 1700, 1703—1706 гг. крупнейшей в Сибири Ирбитской ярмарки. Ее значение в истории сибирской торговли в указанные годы по материалам этих таможенных книг уже охарактеризовано [1]. Ежегодно на ярмарку из Европейской части страны привозилось товаров общей стоимостью от 12 до 40 тыс. рублей; стоимость местных сибирских и китайских товаров, поступавших на ярмарку, в общей сумме в лучшем случае достигала 1,5 тыс. рублей [2].

Неизменно первое место среди привезенных на ярмарку товаров занимали по своей стоимости разнообразные ткани (от 42 до 50% от общей стоимости всех товаров, привезенных из-за Урала) [3]. Неизменность ассор-

[1] *В. А. Александров.* Начало Ирбитской ярмарки.— «История СССР», 1974, № 6.
[2] Там же, с. 40.
[3] Там же, с. 52, 53.

тимента текстильных изделий свидетельствует о точном учете купечеством запросов сибирского рынка. По данным 1699, 1700 гг., т. е. времени накануне Великой Северной войны между Россией и Швецией, на ярмарку поступало значительное количество импортных шерстяных тканей, привозившихся морем в Архангельск и расходившихся затем по всей стране. В 1699 г. они были оценены на ярмарке в 2707 руб., в 1700 г. — в 4082 руб. (соответственно 48 и 36% к стоимости всех тканей). В первые годы войны, когда морские связи с Западной Европой через Белое море были нарушены, привоз этих тканей на ярмарку резко упал, но к 1705—1706 гг. восстановился (в 1705 г. — на 2661 руб., в 1706 г. — на 2354 руб.), хотя по стоимости их удельный вес по сравнению с другими тканями в эти годы достигал всего лишь 15—19%. Более всего в Ирбит привозилось немецких и польских сукон, меньше — английских и голландских. Некоторые из них носили определенные названия — *лятчина* (польск.), *каразея* (англ.), *стамед* (немецкое, голландское или польское); другие именовались по месту производства — *английские*, *амбурские* (*гамбургские*), *голландские*; наконец, третьи в своих названиях отражали технологию производства — *яренковые* (из шерсти овец), *покроми* (грубое сукно). Преимущественно из привозных сукон на Ирбитскую ярмарку поступали лятчина и яренковое сукно (высший сорт шерсти). В таможенной документации Ирбитской ярмарки западноевропейские ткани учитывались, как правило, в половинках. Они не были определенной величины, и в каждом отдельном случае в них было разное количество аршин. Иногда таможенники указывали количество аршин в той или иной половинке (т. е., по всей вероятности, в рулоне). Так, половинка лятчины состояла из 18—20 аршин, половинка яренкового сукна — из 20—23,3 арш.; в половинке английского сукна могло содержаться от 19 до 32,2 аршина. Поэтому вычислить точно количество привозимых западноевропейских сукон можно лишь приблизительно. Если ориентировочно принять, что половинка минимально состояла из 20 арш., то, конечно, с некоторой долей условности можно вычислить общий привоз этих сукон на Ирбит. В 1699 г. при таком расчете их общий привоз выражался в 11 940 арш., из них лятчины было привезено 4900, яренкового сукна 4520, гамбургского 2060 арш.; в 1700 г. при общем привозе свыше 15 000 арш. лятчины поступило 3154, яренкового сукна 8400, гамбургского 2800 арш. Английского сукна поступало в лучшем случае сотни (в 1700 г. около 600 арш.), а голландского — только десятки аршин.

Подавляющую часть отечественного сукна, привозимого в Ирбит, составляла грубая ткань (сермяжная, еще более дешевая покромь и сукманина, в частности вятская). Обычно она учитывалась таможенными властями в аршинах, иногда в концах, которые, как и половинки, не были определенной величины и содержали от 14 до 35 арш. Ежегодно в Ирбит доставлялись тысячи аршин грубых сукон. Значительная часть сермяжного сукна выделывалась в Вятском крае. Например, в 1700 г. из привезенных 12512 арш. почти половина (5940 арш.) была вятского производства. В продажу это сукно, по-видимому, поступало некрашенным и лишь в виде исключения попадались небольшие партии *красильного синего* сукна. В 1700 г. на ярмарку поступило из Шуи 800 арш. *белого* сермяжного сукна, в 1703—100 арш. *черемисского*. В небольшом количестве на ярмарку попадала ткань из верблюжьей (*киса шерстяная*) или коровьей (сукно *коровье*) шерсти.

Другую группу тканей составляла пестрядь — отечественного и зарубежного восточного производства. Отечественная пестрядь учитывалась обычно в аршинах, реже в концах, или в косяках; импортная — только в косяках. Концы и косяки пестряди также не были определенной единицей, в них содержалось от 20 до 35 аршин, но в среднем можно приблизительно считать 25 арш. Отечественная пестрядь изготовлялась на холщевой основе и в зависимости от качества холста могла называть-

ся или холщовой, более тонкой, или хрящевой, толстой; иногда указывалась и отделка ткани — лощеная (блестящая). В ее наименовании учитывалось и место изготовления — она могла именоваться обобщенно *русской* или *вятской, нижегородской, спасской.* На протяжении указанных лет на ярмарку поступала преимущественно отечественная пестрядь, более всего нижегородская, в основном синего цвета, изредка красного (сандальная), а также полосатая. Наименьшее количество отечественной пестряди поступило в 1699 г. — более 4000 арш., наибольшее в 1705 г. — более 40 тыс. арш. Иранская пестрядь — тевризская и ардебильская — поступала в значительно более скромных масштабах (максимально 274 косяка в 1699 г., т. е. около 6800 арш.). Среди этой пестряди встречалась и шелковая.

Третью группу тканей составляла отечественная крашенина, привозившаяся в значительно бóльших количествах на ярмарку (минимально в 1699 г. — более 29 тыс. арш., максимально в 1703 г. — более 95 тыс. арш.). Обычно крашенина учитывалась ирбитской таможней в аршинах, реже в концах, в которых могло быть от 7,5 до 11,5 арш., но чаще всего 8,3—8,4 арш. Как и пестрядь, крашенина поступала прежде всего с поволжских рынков (с Макарьевской ярмарки) и из Восточного Поморья — с Соли-Камской, Чердыни, Вятки. Более определенно происхождение отдельных крупных партий крашенины отражалось в ее названиях — кинешемская (более дешевая), костромская, ярославская (наиболее дорогая). В таможенных наименованиях крашенины можно уловить ее сорта (толстая, иначе забурка; средняя, ровная), технологию производства и сырье, из которого ткань производилась (хрящевая, посконная, катаная или прокатная, лосковая, или лощеная), расцветку (сандальная, или красная, синяя, пестрая, цветная).

Наконец, в огромном количестве в Ирбит поступал отечественный холст (минимально в 1699 г. — более 45 тыс. арш., максимально в 1706 г. — более 230 тыс. арш.); привоз холста также отражал сложившуюся промысловую специализацию ремесленного населения Среднего Поволжья и Восточного Поморья. Основная часть холста поступала на Ирбит с Макарьевской ярмарки, из Нижнего Новгорода, Юрьевца Поволжского, а также из Соли-Камской и Вятского края. Значительную часть среди партий холста составлял дешевый татарский холст. К дешевым сортам относились также разные виды грубого холста — *хряща* (парусный, гладкий, толстый). Приблизительно в полтора раза дороже оценивался средний холст (ровный, гладкий); наиболее ценился холст тонкий. Иногда на ярмарку поступал крашеный холст — *красильный льняной.*

Неизменно, но в ограниченном количестве на ярмарку привозились красные кумачи, в том числе восточного происхождения (шемахинские, кабыжанские); фиксировались таможней они поштучно. Так же в ограниченном количестве привозились войлоки (валяные из коровьей шерсти), крашеные полсти (белые и красные), по-видимому, для зимней езды в санях. Значительная их часть была выделана в Арзамасе.

Среди прочих тканей, эпизодически привозимых небольшими партиями, можно видеть различные изделия отечественного и зарубежного производства. Среди них были отечественные полотна (ивановские и лысковские, т. е. нижегородские), немецкие полотна, бархат, саржа. В широком ассортименте были представлены прежде всего иранские (шелковые и особенно бумажные) ткани; встречались среднеазиатские, индийские, кавказские. Особенно много их было привезено в 1705 г. — выбойки (кошанские, ардебильские, тевризские, кызылбашские, индийские), дешевая хлопчатобумажная бухарская ткань *зендень*, легкие бумажные, полушелковые и шелковые фаты и кисеи, разных цветов бумажная ткань — *киндяк* (в том числе красная, «кумач»), полушелковые *кутни.* Дорогие восточные шелковые ткани на ярмарке продавались системати-

чески, но в незначительном количестве (*дорогй*, *изорбафы*, *атласы*, *парча*, *объярь* и т. п.), иногда они были расшиты золотой или серебряной нитью. Привозились также различные изделия из восточных тканей — завесы, платки, скатерти, иногда ковры.

В целом бо́льшая часть тканей, поступавших на ярмарку, была отечественного производства. Только в 1705 г. эти ткани составили 49,9% стоимости всех привезенных тканей, в прочие же годы привозные ткани из-за рубежа составляли от 9,7 до 44,5% всей стоимости поступивших на ярмарку тканей.

По отношению к общей массе отечественных тканей готовых изделий поступало ничтожное количество. Широкие слои русского населения Сибири предпочитали покупать ткани и сами шили из них одежду. Готовая одежда, появлявшаяся на ярмарке, исчислялась лишь десятками предметов, как правило, повседневного обихода. Продавались кафтаны сермяжные, крашенинные стежные, холщовые ветошные, стежные; серые суконные понитки; штаны шерстяные (яренковые), холщовые ветошные красильные, пестрядинные, из грубого холста-хряща, кумачовые; рубахи холщовые ветошные, пестрядинные (пестрые и синие), шапки суконные с бобровыми «околами» и дешевые холщовые, атласные треухи, кумачовые сарафаны.

Торговля металлоизделиями, занимавшая после тканей важнейшее место на ярмарках 1699 и 1700 гг., после начала войны со Швецией существенно сократилась: стоимость металлических товаров составляла на ярмарках 1703—1706 гг. от 2,9 до 5,9% стоимости всех привозимых товаров. Главное место среди привозимых металлоизделий составляло сырье — уклад (т. е. железо), медь в полицах, олово, жесть в листах и полицах. Но среди этих товаров было немало и изделий, представляющих первостепенный интерес для истории быта широких слоев русского населения Сибири. В 1699 г. эти изделия составили почти половину стоимости всех металлоизделий, поступивших на ярмарку, в 1700 г. — почти треть, в 1703 г. — почти половину и т. д. Состав изделий из железа, стали и чугуна поражает бедностью ассортимента — подавляющую их часть составляли иглы, гвозди, замки, ножи, ножницы и сковороды. Безусловный интерес представляет привоз на ярмарки сковород. Ежегодно их поступало в Ирбит многие сотни. Особый спрос на них раскрывает длительность существования любопытной черты сибирского быта, прослеживаемой даже при современных этнографических полевых исследованиях. Известно, что во времена ямщины на постоялых дворах полагалось угощать ямщиков прежде всего блинами. В ирбитских таможенных книгах сковороды очень часто обозначались «блинными»; таким образом, обычай повседневного употребления блинов в Сибири в среде русских следует относить по крайней мере к концу XVII в., а быть может и ранее.

Изделия из красной и зеленой меди поступали на ярмарку в значительном количестве; таможенниками они учитывались не поштучно, а суммарно по весу. В некоторые годы их привозили десятками пудов (например, в 1699 г. — 64, в 1700 г. — 43, в 1704 г. — 35 пудов). Среди этих изделий преобладала кухонная посуда — котлы, тазы, сковороды, пестики; были также предметы столовой парадной посуды — братины, ендовы, луженые чашки; украшения — серьги, перстни мужские, булавки, пуговицы, а также кресты и даже струнная проволока. Оловянные изделия, поступавшие тоже десятками пудов (максимально в 1700 г. — более 52 пудов), почти целиком состояли из столовой посуды — прежде всего стаканы, у которых для устойчивости к донышку припаивался свинец, тарелки, рюмки, блюда, кружки, судки. Изредка на ярмарке можно было встретить оловянные пуговицы и крючки для кафтанов, а также серебряную столовую посуду, например чарки сканые с финифтью. Для более широкого обихода предназначалась деревянная посуда; десятками тысяч

ежегодно из Вятского края, центрального Поморья и Башкирии поступали ложки (от 25 до 125 тыс. штук). Прочей деревянной посуды — блюда, братины, чарки, стаканы, ковшики, солонки, крашеные и некрашеные, — привозилось много меньше.

Из ремесленных товаров после различных тканей на втором и третьем месте по стоимости были кожевенные изделия. Подавляющая часть их поступала из средневолжских городов от Ярославля до Казани, а также из Вятки, где кожевенное производство было широко распространено и имело прочно установившуюся репутацию. В Сибири местное ремесло испытывало в рассматриваемое время резкий недостаток в выделанной коже, поэтому в привозе на ярмарку первое место занимало сырье — прежде всего «красный товар», исчислявшийся многими сотнями и даже тысячами юфтей, а также сотни и тысячи выделанных овчин. Готовых изделий поступало немного — сотни пар обуви, две-три сотни овчинных кафтанов, шуб и кошуль, иногда зипуны из коровьих шкур, рукавицы овчинные, из конской или бараньей кожи. Ассортимент обуви был довольно широкий, причем весьма часто в таможенных книгах местом выделки обуви указывалась Вятка. Разных размеров привозились на ярмарку сапоги, парадные — сафьяновые, «немецкие» козловые, и рабочие — телятинные и из конской кожи. Женская обувь, по-видимому, была представлена сапожками из бараньей и конской кожи, вятскими и «немецкими», и башмаками из козловой (красными и желтыми) и телячьей кожи. Иногда привозились замшевые ичиги, ступни, в виде исключения — овчинные *курпеки* (вероятно, вид домашней обуви; ср. курпы — пеньковые лапти). Среди кожаных изделий обращают на себя внимание *черезы* (укр.) — кожаные пояса для денег.

В широчайшем ассортименте были представлены на ярмарке галантерейные товары, безусловно, пользовавшиеся большим спросом. Среди них насчитывались многие десятки видов, которые можно разделить на три группы. Преобладали по общей стоимости предметы отделки одежды. В некоторые годы в огромном количестве поступали партии шелковой нити (например, в 1705 г. 110 пудов, оцененные в 3204 р.) разных цветов — красной, черной, зеленой, лазоревой. Пудами доставлялась также хлопчатобумажная нить (максимально в год 30 пудов), и бисер; в некоторые годы десятками тысяч аршин привозился тканец (максимально 28 тыс. арш.) — гарусный, нитный и шелковый, иногда перевитый мишурой. Сотнями аршин намотанное на «доски» привозилось кружево — мишурное, шелковое, золотое с серебром. Из других предметов этой группы товаров следует отметить мишуру и галуны.

Другую группу галантерейных товаров составляли вязаные, шерстяные и хлопчатобумажные, а также шелковые мелкие предметы одежды (чулки—казанские, вятские, «панские» и др.; вареги; кушаки—ярославские нитные, нижегородские, гилянские, лезгинские, мехедские, тевризские; пояса, шелковые ленты и т. п.). Наконец, третью группу составляли предметы женского туалета (зеркала, скляницы, белильницы, белила) и домашнего обихода. Так, в разнообразном ассортименте поступали зеркала — малые, створные, мужские карманные, стенные в рамах.

Разумеется, представляет интерес социальное лицо потребителей привозимых товаров. Таможенные книги не могут дать прямого ответа на этот вопрос, так как в них фиксировались только продавцы, но не покупатели (лишь при продаже на ярмарке лошадей таможенники учитывали как тех, так и других). Тем не менее по ряду косвенных данных, содержащихся в источнике, можно составить общее представление о том, какие виды товаров кого преимущественно привлекали, соответствуя их покупательной способности. Таможенные книги не оставляют сомнения в значении самой ярмарки; судя по ее товарообороту, она конкурировала с рынками крупнейших западносибирских городов — То-

больска и Верхотурья и, имея, безусловно, областное значение[4], привлекала не только жителей Ирбитской слободы, но и значительное количество сельских и городских жителей Тобольского, Тюменского и Верхотурского уездов — русских крестьян, мелких служилых людей — казаков, посадских людей и западносибирских татар. Лишь изредка среди съехавшихся на ярмарку упоминались приезжие из Туринска, Томска, Тары, а тем более Енисейска. О составе таких покупателей можно судить по регистрации таможенными властями мелких продавцов, которые, съезжаясь в Ирбит для продажи лошадей или съестных припасов, конечно, были и потребителями товаров, а также по регистрации людей, приехавших только с незначительной суммой денег, непосредственно ради покупок. Обычно при этой регистрации отмечалось не социальное положение приехавшего, а округ, где находилось место его жительства (например, тоболец, камышловец, невьянец и т. п.). Принимая во внимание хозяйственно-социальную близость сибирских крестьян, мелких служилых и уездных посадских людей, такая неточность источника не может существенно изменить представление о социальном лице съезжавшегося на ярмарку сибирского населения. Так, на одной из наиболее многолюдных ярмарок в 1699 г. было зарегистрировано 449 человек, предъявивших мелкими суммами для покупок 2149 руб., 127 саней и 41 «шалаш», с которых велась мелкая торговля, 108 человек, привезших на продажу рыбу, и 186 человек, объявивших о продаже лошадей. Среди указанных 449 человек насчитывалось около 200 «тобольцев», свыше 50 «тюменцев», остальные были жителями различных западносибирских слобод и деревень. В торговле с мелких торговых «точек» — саней и в «шалашах» — преобладали жители Тюменского уезда и отчасти Тобольского. Продавцами лошадей были, почти без исключения, русские, а покупателями в большей степени представители местного татарского населения; такими покупателями на каждой ярмарке были десятки людей, одни из них приобретали одну-две лошади, другие были явно скупщиками. По приведенным данным видно, что на ярмарку собирались многие сотни людей для мелкой розничной покупки привезенных из-за Урала товаров.

Другим косвенным, но довольно определенным показателем того, для кого предназначались привезенные товары, являются цены. Твердо прослеживаемый ассортимент привозимых промышленных товаров свидетельствовал о спросе на них массового потребителя, хотя покупательные возможности сельского населения были ограничены разрывом между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. К началу XVIII в. Верхотурско-Тобольский район был основной житницей Сибири, и цены на хлеб в нем установились достаточно твердые; по данным 1701—1708 гг., в Туринском и Тюменском уездах стоимость пуда ржи колебалась от 1,5 до 3 коп., а в менее благоприятном для земледелия Тобольском уезде — от $2^1/_4$ до 5 коп.[5] Цены на основные промышленные товары на Ирбитской ярмарке также не были подвержены особо резким изменениям. Поэтому с учетом стоимости прежде всего хлеба можно определеннее судить о доступности ярмарочных товаров и покупательных возможностях сибирского крестьянства и широких слоев городского населения.

Как указывалось, основу ярмарки на Ирбите составляла торговля различными тканями. Показательно, что наиболее дорогие западноевропейские сукна привозились в ограниченном количестве — не более нескольких сотен аршин в год (английские, голландские). Стоимость английских сукон колебалась от 75 коп. до 1,5 руб. за аршин, голландских — от 80 коп. до 1 руб. 80 коп., а одинцовых — от 60 до 80 коп. Они

[4] *В. А. Александров.* Указ. раб., с. 39, 40.

[5] *В. И. Шунков.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956, с. 340, 341.

были доступны лишь представителям воеводского управления, приказчикам слобод и далеко не всегда городской и сельской верхушке. По-видимому, именно ей предназначались более дешевые заграничные сукна, привозившиеся тысячами аршин: лятчина (20—25 коп. арш.) и яренковое (17—20 коп. арш.). Для основной массы покупателей предназначались грубые отечественные сукна—сермяжное, оценивавшееся в 5—6 коп. арш., и еще более дешевая покромь (1,5—2 коп. арш.). Судя по привозу, спрос верхушки сибирского населения на дорогие сорта сукон превышал покупательную способность широких масс, ибо обычно импортные товары преобладали над отечественными. Округленно в 1699 г. было зарегистрировано 11 900 арш. западноевропейских тканей и 3 300 арш. отечественных; в 1704 г. соответственно 4 676 и 3 215 арш., в 1705 г. 10 600 и 9 900 арш., в 1706 г. 9 700 и 7 200 арш. Только в 1700 и 1703 гг. соотношение изменилось в пользу отечественных сукон; около 24 тыс. арш. отечественных и свыше 15 тыс. арш. западноевропейских в 1700 г. и 6650 арш. отечественных и 1440 арш. привозных сукон в 1703 г. Несравненно бо́льшим спросом пользовались доступные для широких масс крашенина, пестрядь и холст. В зависимости от привоза и сортности цены колебались от 2 до 4 коп. за аршин крашенины, от 3 до 4 коп. за арш. пестряди (лишь выбойчатая ткань оценивалась до 8 коп. за арш.), от 1 до 3 коп. за аршин холста. Готовых изделий из ткани, как указывалось, на ярмарку поступало незначительное количество. По стоимости даже изделия из дешевых тканей не могли привлекать широкого покупателя, довольствовавшегося изделиями домашнего ремесла; пестрядинная рубаха стоила от 15 до 30—40 коп., а штаны 15—20 коп., холщовая рубаха 20 коп., штаны 16 коп.; кафтан из сермяги не менее 60 коп., а стеганый из крашенины 30 коп.; штаны из яренкового сукна 60 коп., кумачовый сарафан до 1,5 руб. и т. д.

Более доступны были изделия из кожи. Цены на сапоги были весьма разнообразны, наиболее доступные изделия оценивались в 3,5—5 коп., но состоятельных покупателей могли привлечь изделия из сафьяна, козловой или бараньей кожи, стоимость которых доходила до 80 коп. Точно так же колебались цены на башмаки — от 3 до 30 коп. При сравнительно невысокой стоимости выделанных овчин (7—10 коп. за штуку) изделия из них вряд ли могли найти спрос у широкого покупателя — овчинный кафтан стоил 60—80 коп., шапка до 25 коп., а одеяло до 1 р. На ярмарке почти совершенно не продавалась кожаная упряжь, спрос на которую удовлетворялся местными ремесленниками, среди которых расходилась привозимая на ярмарку выделанная кожа.

Металлоизделия первой необходимости были рассчитаны на массовый спрос — замки стоили 2 коп. и выше, ножницы 3—5 коп., ножи 3 коп. и выше, клещи для ковки лошадей 3—5 коп., иглы 2,5—4 коп. за 100 штук, подсвечники из проволоки 3 коп., лейки 1 коп. Медные изделия, прежде всего посуда, оценивались на вес и стоили дорого (от 4,8 до 12 р. за пуд); исключение составляли нательные крестики и перстни, ценившиеся менее 1 коп. за штуку. Так же малодоступны были изделия из олова и жести. Оловянный стакан, например, оценивался в 3—8 коп. Из жестяных изделий обращают на себя внимание сундуки и ларчики ярославской работы, стоившие до 50 коп. Они могли попасть в жилище только зажиточных покупателей. В целом же из металлоизделий пользовались спросом только те, которые требовали относительно тонкого или сложного производства. Металлический хозяйственный инвентарь почти полностью отсутствовал на ярмарке. Он изготовлялся местными городскими и сельскими кузнецами из привозимого на ярмарку сырья — уклада, который стоил от 75 коп. до 1,5 руб. пуд.

Значительно более доступны были деревянные изделия, в основном утварь и посуда. Деревянные ложки продавались от 2 до 7—10 штук на 1 коп. (наиболее дорогими были кленовые); чарки, ковшики, чаши, ста-

каны, тарелки — от 0,5 до 1 коп.; блюда, братины, солонки — по 1,5—2 коп., ставцы — по 1—3 коп. Недорого стоили и дуги для упряжек — по 2 коп. за штуку.

Поступавшая в очень большом ассортименте галантерея по стоимости могла привлечь покупателей разного имущественного состояния. Золотая и шелковая нить для отделки одежды, «золотые» и «серебряные» кружева, кушаки и платки восточной работы были, конечно, недоступны рядовому покупателю. На него были рассчитаны другие товары: гарус (10 арш. — 1 коп.) и бисер (6—20 коп. фунт) для отделки одежды, хлопчатобумажная нить (от 15 коп. фунт), а также вязаные чулки (1,5 коп. и выше пара), кушаки и пояски (3—5 коп. штука), гребни (до 1 коп. штука), маленькие зеркальца (от 0,5 коп. штука), стеклянные «сосуды» (флаконы) и т. п.

Большой интерес для истории русского сибирского быта представляют также привозные пищевые продукты. Вполне очевидно, что уже в конце XVII в. в Сибири хорошо были известны «заморские» пряности — перец, гвоздика, имбирь, корица, а также другие иноземные товары — рис, сахар, изюм и чернослив, грецкие орехи и лимоны. Они предназначались почти исключительно для состоятельной части населения. В зависимости от привоза цены на них сильно колебались, но всегда оставались высокими. Перец стоил от 30 до 50 коп. за фунт, гвоздика 1,2 руб., имбирь до 20 коп., корица 2,5 руб. за фунт и т. д. Стоимость риса колебалась от 2 до 4 коп. за фунт, а сахара—от 25 до 50 коп. и выше. Несмотря на высокие цены, эти товары, особенно перец и рис, пользовались спросом, так как в отдельные годы привозились в значительном размере. Особым спросом пользовался перец; в 1703 г. его было привезено 151 пуд, в 1705 г. — 52, в 1706 г. — 64 пуда. Десятками, а иногда сотнями пудов доставлялись рис, изюм, чернослив. Сахар появлялся на ярмарке не каждый год и в ограниченном количестве (лишь в 1700 г. 23 пуда). Широко раскупался мед, который поступал преимущественно из Башкирии сотнями и тысячами пудов и оценивался от 4,5 до 7,5 коп. фунт. Обращает внимание почти полное отсутствие на ярмарке чая. Из отечественных пищевых продуктов обычными были на ярмарке башкирский хмель, астраханская горчица, лесные орехи.

Итак, таможенные книги XVII — начала XVIII в. содержат массовый материал, характеризующий историю материальной культуры и быта разных социальных слоев населения; в этом их основная ценность как типа источника для историко-этнографических исследований. Рассмотренные таможенные книги Ирбитской ярмарки к тому же позволяют сделать более широкие наблюдения, вытекающие из состава привозимых на ярмарку товаров. Так, в связи с поступлением на ярмарку преимущественно не готовых изделий из тканей, кожи и металла, а лишь самих материалов, напрашивается вывод о преобладании в быту широких слоев русского сельского и даже городского населения Сибири произведений местного ремесла (домашнего или на заказ) — одежды, металлического хозяйственного инвентаря, в значительной степени изделий из кожи.